

УДК 332.14:338.24

DOI: 10.25806/uu-6534

ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКСКЛАВНОГО РЕГИОНА: РОЛЬ СТАБИЛЬНОСТИ И ЗАЩИЩЁННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

И.А. Зимич

ФГБОУ ВО «Калининградский государственный технический университет», Калининград, email: igor.zimich@klgtu.ru

Аннотация. Статья посвящена систематизации факторов устойчивого развития эксклавного региона с учетом специфики его территориальной обособленности и воздействия внешней турбулентности. Обосновывается необходимость учета специфических факторов, определяющих стабильность и защищённость региональной экономики как необходимую предпосылку перехода к устойчивому развитию. Цель исследования — систематизация и конкретизация факторов устойчивости эксклавного региона, а также их соотнесение с основными компонентами адаптации региональной экономики к внешним шокам. Научная новизна заключается в выделении пяти специфических факторов устойчивости эксклавного региона, учитывающих его транзитно логистическую зависимость, институционально правовой статус территории, геополитическую чувствительность, военно-политические риски и социально-адаптивные возможности населения и бизнеса. В результате предложена система факторов, соотнесенная с последовательными компонентами устойчивости региональной экономики, включающими сопротивляемость внешнему шоку, восстановление, структурную переориентацию и обновление траектории развития. Теоретическая значимость работы заключается в развитии представлений о факторах устойчивости региональных экономических систем с учетом специфики эксклавности. Практическая значимость заключается в возможности применения предложенного подхода для анализа и мониторинга устойчивости эксклавных территорий и обоснования решений в сфере регионального развития. Эмпирическая апробация проведена на материалах Калининградской области в условиях внешней турбулентности 2022–2025 гг.

Ключевые слова: устойчивое развитие региона; устойчивость региональной экономики; стабильность и защищённость региональной экономики; эксклавный регион; факторы устойчивости; внешние шоки; внешняя турбулентность; Калининградская область.

FACTORS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF AN EXCLAVE REGION: THE ROLE OF STABILITY AND SECURITY OF THE REGIONAL ECONOMY UNDER TURBULENT CONDITIONS (THE CASE OF KALININGRAD REGION)

I.A. Zimich

Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, email: igor.zimich@klgtu.ru

Abstract. The article focuses on systematizing the factors of sustainable development of an exclave region, considering the specific features of its territorial isolation and the impact of external turbulence. The paper substantiates the need to consider specific factors that determine the stability and protection of the regional economy as a prerequisite for the transition to sustainable development. The purpose of the study is to systematize and specify the factors of exclave regional resilience and to relate them to the key components of the regional economy's adaptation to external shocks. The scientific novelty lies in identifying five specific factors of exclave regional resilience, reflecting its transit and logistics dependence, institutional and legal status, geopolitical sensitivity, military and political risks, and the social and adaptive capacities of the population and businesses. As a result, a system of factors is proposed and related to the successive components of regional economic resilience, including resistance to external shocks, recovery, structural reorientation, and renewal of the development trajectory. The theoretical significance of the study lies in developing the understanding of the factors of regional economic resilience with due consideration of the specific features of exclavity. The practical significance lies in the applicability of the proposed approach to the analysis and monitoring of the resilience of exclave territories and to supporting decision-making in regional development. The approach is empirically tested using data from the Kaliningrad Region under conditions of external turbulence in 2022–2025.

Keywords: sustainable regional development; regional economic resilience; stability and protection of the regional economy; exclave region; resilience factors; external shocks; external turbulence; Kaliningrad Region.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.08.2026

Дата принятия статьи в печать: 08.10.2026

Введение

Региональные экономические системы всё чаще сталкиваются с турбулентностью внешней среды. Это обусловлено тем, что всё сильнее обостряется геополитическая обстановка на мировой арене. Следствием этого становится разрыв сложившихся логистических, торговых и межкультурных связей. В том числе вводятся масштабные внешнеэкономические ограничения, заставляющие страны и их регионы адаптироваться к сложившимся условиям. Устойчивость развития региона в данных обстоятельствах перестаёт быть абстрактной теоретической категорией. От того, способна ли региональная экономическая система противостоять и адаптироваться к воздействию внешних шоков напрямую зависит благополучие и качество жизни населения.

Само понятие «региональная экономика» трактуется в науке неоднозначно. Сложилось несколько самостоятельных взглядов на его содержание — от региона как объекта размещения производительных сил до региона как целостной территориально-хозяйственной системы [1].

В зарубежной науке устойчивость региона к внешним шокам разработана прежде всего в рамках концепции экономической резильентности. Дж. Симми и Р. Мартин отказались от равновесной трактовки устойчивости, при которой регион считается устойчивым, если после шока просто возвращается к прежнему состоянию. Взамен они предложили иную точку зрения: устойчивость как способность региона к адаптации, структурной переориентации, обновлению траектории роста [2; 3].

За этим разграничением стоит более общий вопрос, актуальный и для отечественной науки. Как соотносятся между собой состояние региональной системы и процесс её развития? В российской литературе устойчивость региона нередко раскрывается именно через категорию экономической безопасности территории, которая раскрывает способность экономики поддерживать сбалансированное, защищённое состояние, создающее основу для дальнейшего роста [7]. Сбалансированность ключевых сфер региональной экономики и способность региона выйти на новую, более благоприятную траекторию роста — категории связанные, но не тождественные.

Разработанные на этой основе модели, впрочем, проверялись преимущественно на регионах без территориальных ограничений. Эксклавные регионы, то есть территории, отделённые от основной части страны землями иностранных государств, изучены в этом контексте куда слабее. Что происходит с устойчивостью региона, когда к обычным факторам добавляется зависимость от условий транзита через сопредельные государства? А ведь именно этот аспект меняет саму природу уязвимости региона к внешним шокам.

Очень показательно это можно наблюдать на примере Калининградской области. Её институциональная и экономическая специфика долгое время формировалась под влиянием особого экономического статуса территории и её географической обособленности [4; 5]. Масштабные внешнеэкономические ограничения 2022 г. стали для региона прямой проверкой на прочность, что и делает его репрезентативным объектом для настоящего анализа.

Цель исследования

Цель исследования - систематизация и конкретизация факторов устойчивости эксклавного региона, а также их соотнесение с основными компонентами адаптации региональной экономики к внешним шокам.

Материал и методы исследования

Объектом исследования выступает региональная экономическая система, предметом — факторы её устойчивого развития в условиях турбулентности внешней среды. Методологическую основу составляет эволюционный подход к пониманию устойчивости региона, учитывающий стабильность и защищённость региональной экономики как необходимые предпосылки перехода к устойчивому развитию. Для анализа реакции региона на внешние шоки применяется операциональная модель, отражающая последовательные компоненты адаптации. Эмпирическая апробация проведена на материалах региона.

Результаты исследования

Понимание устойчивости региона менялось вместе с развитием самой региональной экономики. А.И. Татаркин и Е.Г. Анимиаца показывают, что наука по-разному трактует предмет региональной экономики. Одни сводят его к размещению производительных сил. Другие, вслед за А.Г. Гранбергом, понимают его шире — как пространственную экономику, охватывающую ещё и инвестиции, занятость, качество жизни, межрегиональные связи [1]. Именно многообразие подходов методологически обосновывает обращение к кейсу конкретного региона, обладающего выраженными территориальными особенностями.

Собственно категория устойчивости региона получила, как упоминалось ранее, в работах Дж. Симми и Р. Мартин, где получила наиболее развёрнутую теоретическую проработку [2]. Авторы пересмотрели понимание традиционного подхода, который по своей сути заимствует принципы из инженерных и экологических наук, что плохо соотносится с природой и сущностью региональной экономики. Региональные системы состоят из фирм, работников и институтов, способных к обучению и изменению поведения, и потому никогда не находятся в подлинном равновесии [2].

Вместо этого авторами была предложена эволюционная трактовка устойчивости через модель адаптивного цикла, заимствованную из экологической теории панархии. Она иллюстрирует, что попытки искусственно удерживать систему в «идеальном» стабильном состоянии (например, подавлять любые мелкие кризисы) делают её хрупкой и ведут к масштабной катастрофе в будущем. В рамках предложенной модели регион проходит четыре ключевые фазы [2]:

- эксплуатацию накопленных ресурсов и преимуществ;
- консервацию сложившейся структуры;
- высвобождение ресурсов при разрушении устаревших форм хозяйствования;
- реорганизацию, открывающую возможности для нового витка роста.

В качестве примера авторами было представлено сопоставление экономик двух британских городов. В ходе анализа было установлено, что диверсифицированная и опирающаяся на собственную базу знаний экономика Кембриджа быстро восстанавливалась после рецессий, тогда как экономика Суонси, зависимая от филиалов иностранных электронных производств, так и не смогла оправиться от структурного шока [2]. Устойчивость региона в этой логике определяется, прежде всего, способностью генерировать собственные, эндогенные источники роста, а не устойчивостью к шоку.

Приведённое разграничение равновесной и эволюционной трактовки устойчивости позволяет уточнить содержание двух категорий. «Стабильность и защищённость» региональной экономики характеризуют состояние системы, при котором сохраняется сбалансированность её ключевых сфер, а внешние и внутренние риски не создают угрозы для нормального функционирования территории. Устойчивое развитие, в отличие от этого, предполагает не удержание такого состояния, а способность переходить на новую, более благоприятную траекторию роста, то есть выступает по отношению к стабильности и защищённости своего рода целью, для которой сбалансированное состояние экономики — необходимая, но не достаточная предпосылка. Близкая логика прослеживается и в отечественной литературе, раскрывающей устойчивость региона через категорию его «экономической безопасности» [7].

Р. Мартин развил идею эволюционной устойчивости, адаптировав понятие «гистерезиса» применительно к региональной экономике. Согласно этой концепции, воздействие шока на регион не обязательно ограничивается временным отклонением от прежней траектории роста. Оно способно сместить эту траекторию необратимо, причём как в отрицательную, так и в положительную сторону [3]. Для описания реакции региона на шок Мартин предложил операционную модель из четырёх последовательных компонентов (рис. 1).

Проведённый автором анализ трёх британских районов на материале трёх рецессий показал, что один и тот же регион может демонстрировать разную устойчивость к разным по природе шокам, и что экономическая структура объясняет эту разницу не полностью. Так, Северо-Восток Англии не восстановился до докризисного уровня занятости даже через тридцать лет после рецессии начала 1980-х годов, тогда как Юго-Восток каждый раз выходил из спада на более высокую траекторию роста [3]. Это наблюдение подтверждает принципиальную возможность негативного гистерезиса как долгосрочного, а не преходящего последствия внешнего шока для региональной экономики.

Рис. 1. Последовательность методического обеспечения мониторинга устойчивого развития региона и функции составляющих его требований

Источник: составлено автором на основе [3].

Систематизация конкретных факторов устойчивости региональных экономических систем разрабатывается и в отечественной науке, причём в нескольких относительно самостоятельных направлениях:

Одно из них восходит к фундаментальной работе В.Н. Лексина и А.Н. Швецова, показавших, что «устойчивое территориальное развитие России неотделимо от проблемы региональных диспропорций и требует системной, многоаспектной оценки состояния территорий, а не констатации отдельных изолированных фактов вроде спада или роста производства» [6].

Другое направление связано с оценкой устойчивости через категорию «экономическая безопасность». А.И. Татаркин и А.А. Ку克林 заложили методологию, в рамках которой устойчивость региона раскрывается через систему индикаторов, сгруппированных вокруг трёх составляющих [7]:

- способности экономики территории к устойчивому росту;
- обеспечения приемлемого уровня жизни населения;
- экологической безопасности.

Третье направление построено на систематизации факторов устойчивости как таковых. О.А. Репушевская выделяет группу факторов, определяющих устойчивость региона, включая динамику численности хозяйствующих субъектов, состояние трудовых ресурсов и характер использования природно-ресурсного потенциала территории [8]. Д.А. Генералов, Н.В. Жахов и соавторы предлагают методику индикативной оценки сбалансированности социально-экономической системы региона непосредственно в условиях турбулентности макроэкономических факторов, вводя показатель, характеризующий степень моноотраслевой зависимости региональной экономики [9].

Все они сходятся в том, что устойчивость региона определяется не единичным показателем, а совокупностью факторов, среди которых структурное разнообразие экономики занимает особое место, что согласуется и с зарубежной трактовкой устойчивости через способность региона к диверсификации и адаптации [2; 3]. При этом они не исключают возможность разработки единого интегрального показателя, который бы учитывал различные аспекты устойчивости региона.

Стоит отметить, что указанные подходы были разработаны и апробированы на материале регионов, не имеющих территориальных ограничений. Вопрос о том, как трансформируются факторы устойчивости региона при наличии специфического территориального ограничения, каким выступает эксклавность, требует отдельного рассмотрения.

В отечественной научной среде, как правило, различают абсолютную и относительную эксклавность региона. Подобная классификация наглядно представлена в работах А.П. Клемешева и Я.А. Ворожеина. В качестве «абсолютной эксклавности» авторы выделяют положение региона, которое связано непосредственно с фактом территориальной отдалённости региона. В то же время «относительная эксклавность» представляется как совокупность условий, через которые отдалённость реализуется на практике, включая геополитический контекст, государственную политику в отношении эксклава и особенности идентичности проживающего в нём населения [5].

Такое разграничение имеет прямое отношение к устойчивости региона, поскольку одна и та же абсолютная эксклавность может оборачиваться разными последствиями для экономики территории в зависимости от того, как складывается её относительная составляющая в конкретный период.

Показательна в этом отношении эволюция подходов к анализу эксклавности в работах А.П. Клемешева. Уже в более ранней работе автор подробно разбирает экономические издержки эксклавности, включая повышенную стоимость потребительских товаров, более глубокое падение производства в регионе в период кризиса 2008–2009 гг. по сравнению со среднероссийскими показателями и угрозу превращения региона в «двойную периферию» России и Евросоюза [4]. Приводимые автором данные иллюстрируют повышенную уязвимость эксклава к внешним шокам. Более поздняя работа того же автора, посвящённая непосредственно понятию эксклавности, развивает эту логику, вводя различие абсолютной и относительной эксклавности и характеризуя структурную уязвимость эксклава как её устойчивый признак [5].

Механизм воздействия эксклавности на структуру экономики раскрывают В.А. Колосов и А.Б. Себенцов. Режим и функции государственной границы способны выступать одновременно барьером и стимулом структурной трансформации экономики региона, а изменения в его геополитическом положении транслируются в изменения структуры его хозяйства через режим границы, определяющий условия перемещения товаров, капитала и рабочей силы [10].

На примере Калининградской области Г.М. Фёдоров показывает, что регион одновременно является приграничным и приморским, причём эти два признака оказывают разнонаправленное влияние на устойчивость его экономики. Приморское положение создаёт устойчивое преимущество, поскольку открывает независимый от сухопутного транзита канал связи с внешним миром, тогда как эффект приграничного положения неоднозначен и зависит от характера отношений с сопредельными государствами [11].

В условиях продолжающегося геополитического кризиса регион сталкивается с дополнительным военно-политическим риском. Он включает риск прямого воздействия конфликта на функционирование региональной экономики и риск эскалации напряжённости с сопредельными государствами, способной создать искусственные препятствия для транспортного сообщения региона с остальным миром [12; 13].

Наконец, устойчивость региона к внешнему шоку определяется не только производственными, институциональными и геополитическими факторами, но и способностью населения к низовой экономической адаптации. Как показывают Е.В. Фролова и О.В. Рогач, кризис способен смещать структуру ожиданий и поведения жителей региона в сторону самостоятельного поиска новых источников дохода, в том числе через кооперативные формы хозяйствования, однако реализация этого адаптивного потенциала напрямую зависит от уровня межличностного доверия в местном сообществе [14].

Таким образом, применительно к эксклавному региону стандартный набор факторов устойчивости, рассмотренный выше, дополняется как минимум пятью уникальными элементами, связанными с особенностями территориального положения и условиями функционирования экономики. К ним относятся транзитно-логистическая зависимость, особый институционально-правовой статус территории, геополитическая чувствительность, военно-политический риск и социально-адаптивный фактор [4; 5; 10–14].

Выделенные факторы различаются по характеру и механизму воздействия, при этом каждый из них участвует в формировании стабильности и защищённости региональной экономики,

которые могут рассматриваться в качестве предпосылки и условий перехода региона к устойчивому развитию. Содержание факторов, а также механизмы их воздействия на стабильность и защищённость региональной экономики представлены в таблице 1.

Таблица 1

Уникальные факторы устойчивости эксклавного региона

Фактор устойчивости	Содержание	Механизм воздействия на стабильность и защищённость
Транзитно-логистическая зависимость	Зависимость региональной экономики от транзита через территорию сопредельных государств	Уязвимость к изменению условий транзита и перебоям в снабжении
Институционально-правовой статус территории	Особый статус территории, включая режим особой экономической зоны или аналогичные механизмы	Формирование особых условий хозяйствования и возможностей адаптации
Геополитическая чувствительность	Зависимость последствий эксклавности от внешнего геополитического контекста	Возможность превращения структурного преимущества эксклава в фактор уязвимости
Военно-политический риск	Риск прямого воздействия геополитического конфликта и эскалации напряжённости	Воздействие на функционирование экономики и транспортную связность региона
Социально-адаптивный фактор	Способность населения к низовой экономической самоорганизации	Поддержание экономической активности и адаптация к внешнему шоку

Выделенные факторы неоднородны по природе, однако соотносятся с общей операциональной моделью устойчивости региона, рассмотренной выше. Соотношение между компонентами этой модели и их проявлением в эксклавном регионе представлено в таблице 2.

Таблица 2

Проявление компонентов устойчивости региона (по Р. Мартину) в обычном и эксклавном регионе

Компонент устойчивости	Проявление в «обычном» регионе	Специфическое проявление в эксклавном регионе	Фактор эксклавности	Иллюстрация на материале Калининградской области
Сопrotивляемость (глубина первоначальной реакции на шок)	Определяется диверсификацией отраслевой структуры экономики и степенью зависимости от внешней торговли	Дополнительно определяется долей транзита через территорию сопредельных государств в товарообороте региона и зависимостью производственной структуры от импорта из недружественных стран	Транзитно-логистический	Высокий интегральный индекс санкционного риска региона
Восстановление (скорость и полнота выхода из шока)	Определяется институциональной гибкостью региональной системы и наличием мер государственной поддержки	Дополнительно зависит от наличия альтернативных, не сухопутных каналов связи с остальной территорией страны	Транзитно-логистический	Переориентация каботажных перевозок на морской транспорт
Структурная переориентация	Определяется способностью экономики к диверсификации и появлению новых секторов роста	Дополнительно определяется институциональным разнообразием, то есть наличием нескольких параллельных механизмов компенсации территориальной обособленности	Институционально-правовой	Дополнение режима ОЭЗ специальным административным районом и межрегиональными кластерами
продолжение табл. 2				

окончание табл. 2				
Компонент устойчивости	Проявление в «обычном» регионе	Специфическое проявление в эксклавном регионе	Фактор эксклавности	Иллюстрация на материале Калининградской области
Обновление траектории развития	Определяется устойчивостью институциональной среды региона в целом	Дополнительно зависит от геополитической чувствительности региона и военно-политических рисков, включая эскалацию напряжённости с сопредельными государствами	Геополитической чувствительности; военно-политический	Сохраняющееся отклонение фактической траектории развития региона от дошоковой
Восстановление и структурная переориентация (низового уровня)	Определяется адаптивным экономическим поведением населения и бизнеса	Дополнительно зависит от уровня межличностного доверия в сообществе эксклава	Социально-адаптивный	Рост интереса к потребительской кооперации при повышенном дефиците доверия

Источник: составлено автором на основе [3] и результатов теоретического анализа.

Проверка теоретических положений, изложенных выше, проведена на материале Калининградской области как региона, экономика которого прошла через масштабный внешний шок после введения внешнеэкономических ограничений 2022 г.

С.П. Земцов, разработав и апробировав методику оценки подверженности регионов России санкционным рискам, показал, что Калининградская область входит в тройку регионов страны с наивысшим значением интегрального индекса риска, уступая только Республике Коми. Столь высокое значение индекса обеспечили два фактора [16]:

- высокая производственная зависимость от импорта, прежде всего в автомобилестроении;
- концентрация внешней торговли на странах, впоследствии введших ограничения.

Автор пришёл к выводу, что в 2022 г. регионы с высоким значением индекса демонстрировали статистически значимо более низкие темпы роста экономической активности, однако уже к 2023 г. эта связь заметно ослабла [16]. Данная динамика хорошо согласуется с теоретической моделью Р. Мартина. Первоначальная реакция региона на шок соответствует фазе низкой сопротивляемости, тогда как последующее ослабление связи между риском и экономической динамикой указывает на начало фазы восстановления [3].

Для Калининградской области санкционные риски стали не просто одним из внешних вызовов, но фактором, запустившим структурную трансформацию всей региональной экономики и системы внешнеторговых связей [10]. В.А. Колосов и А.Б. Себенцов, изучив изменение функций государственной границы после 2022 г., показывают, что барьерная функция границы, ранее второстепенная по отношению к контактной, стала определяющей для хозяйственной жизни региона. Местному бизнесу пришлось в сжатые сроки перестраивать логистические цепочки и искать альтернативные каналы связи с остальной территорией страны [10].

Институционально-правовой статус региона, реализуемый прежде всего через режим особой экономической зоны, выступил основой, на которую опиралась последующая адаптация региональной экономики к новым условиям [4].

Анализ отраслевой структуры Калининградской области, проведённый тем же автором с помощью индекса Рябцева, показывает, что за весь период с 2016 по 2022 г. регион пережил значительный структурный сдвиг, обусловленный прежде всего снижением доли обрабатывающих производств и ростом доли операций с недвижимостью [17]. При этом непосредственная реакция отраслевой структуры именно на санкционный шок 2022 г. оказалась низкой по интенсивности. Основные структурные изменения экономики региона были распределены во времени, а не произошли одномоментно вслед за введением ограничений. Автор специально отмечает, что санкции затронули и финансовый сектор региона, поскольку крупнейшие калининградские банки попали под ограничения [17].

Как уже было упомянуто ранее, устойчивость эксклавного региона определяется в том числе состоянием его транспортно-логистической системы. Д.Б. Кувалин и Ю.А. Щербанин, изучив адаптацию российских портов Балтийского моря к разрыву отношений с Европой, прямо указывают, что положение Калининградской области, окружённой недружественными странами, существенно затрудняет интеграцию её транспортного комплекса с остальной частью российской экономики [12]. Тем не менее регион сумел частично компенсировать эту уязвимость. Каботажные контейнерные перевозки на Балтике, обеспечивающие связь эксклава с основной территорией страны морским путём, выросли в 2023 г. в 35 раз, а грузооборот Калининградского порта по итогам того же года превысил показатели 2022 г. [12]. Так, столкнувшись с разрывом сухопутного транзита, регион перенаправил логистические потоки на альтернативный, морской канал связи [3].

Вместе с тем достигнутая адаптация транспортно-логистической системы региона сопровождается и растущими рисками военно-политического характера. Д.Б. Кувалин и Ю.А. Щербанин прямо указывают на повреждение газопроводов «Северный поток» в сентябре 2022 г. и на сохраняющуюся возможность создания препятствий для судоходства в узких Датских проливах, через которые балтийским портам приходится выходить в Атлантику, как на источник риска для дальнейшего развития морского транспорта российской Балтики [12]. Начиная с 2023–2025 гг. данный риск получил и более непосредственное практическое измерение. Страны Европейского союза перешли к практике задержания судов, связанных с российским морским транспортом. В июне 2026 г. руководство ЕС переориентировало действовавшую военно-морскую миссию IRINI на противодействие морским перевозкам в интересах России, изменив правила применения силы таким образом, что они допускают захват судов, а к концу лета 2026 г. в Брюсселе обсуждается создание отдельной военно-морской миссии, ориентированной непосредственно на акватории Балтийского и Северного морей [13]. Для Калининградской области данный фактор приобретает особое значение в силу её географического положения. Регион со всех сухопутных сторон окружён государствами-членами НАТО, что делает его в наибольшей степени зависимым среди российских регионов от состояния военно-политической обстановки в этой части Балтики [12]. В итоге одна уязвимость сменилась другой, переориентация на морской канал связи снимает зависимость от сухопутного транзита, но создаёт новые риски, особенно с учётом ограниченного перечня альтернативных логистических каналов.

Устойчивость региона к внешнему шоку определяется не только производственными и логистическими, но и социальными факторами. Е.В. Фролова и О.В. Рогащ, изучив на основе опроса жителей Калининградской области ($N = 481$) отношение населения к потребительской кооперации, показывают, что кризис сместил структуру ожиданий жителей региона от социальных мотивов к задачам материального благополучия. Свыше 60% опрошенных полагают, что кооперативные формы хозяйствования способны занять место иностранных компаний, ушедших с регионального рынка [14]. Вместе с тем авторы фиксируют более высокий, чем в среднем по России, дефицит межличностного доверия среди жителей региона, что рассматривается ими как фактор, ограничивающий потенциал подобной низовой адаптации [14].

Обобщая изложенные данные через модель устойчивости региона, представленную ранее, можно охарактеризовать реакцию Калининградской области на турбулентность 2022–2025 гг. по всем её компонентам. Систематизация выявленных факторов устойчивости эксклавного региона и их эмпирического проявления в условиях турбулентности 2022–2025 гг. представлена в таблице 3.

Таблица 3

**Факторы устойчивости эксклавного региона в условиях турбулентности
(на примере Калининградской области)**

Фактор устойчивости	Проявление в условиях турбулентности 2022–2025 гг.
Производственная и торговая зависимость от государств, применяющих внешнеэкономические ограничения в отношении Российской Федерации	Высокий интегральный индекс санкционного риска (0,41, 3-е место среди регионов РФ); спад ВРП в 2022 г. на 4,5%
продолжение табл. 3	

окончание табл. 3	
Фактор устойчивости	Проявление в условиях турбулентности 2022–2025 гг.
Транзитная зависимость от сопредельных государств (эксклавность)	Смена барьерной функции границы вместо контактной; вынужденная переориентация логистических цепочек
Морская логистика как альтернативный канал связи	Рост каботажных контейнерных перевозок на Балтике в 35 раз за 2023 г.; рост грузооборота Калининградского порта на 6–7%
Военно-политический риск морской логистики	Повреждение газопроводов «Северный поток» (2022); переориентация миссии IRINI и обсуждение отдельной миссии ЕС на Балтике (2026)
Гибкость отраслевой структуры экономики	Значительный структурный сдвиг ВДС региона (индекс Рябцева 0,208); снижение доли обрабатывающих производств, рост доли операций с недвижимостью
Адаптивное поведение населения на низовом уровне	Рост интереса к потребительской кооперации (60,1% опрошенных); повышенный дефицит межличностного доверия
Общественный макроэкономический контекст	Усиление межрегиональной дифференциации устойчивости на фоне умеренного общероссийского спада

Составлено автором на основе [10–17].

Заключение

Предложенный подход к систематизации факторов устойчивости эксклавного региона представляет собой теоретически обоснованное развитие существующих представлений об устойчивости региональной экономики с учётом специфики территориальной обособленности. Акцент смещён с рассмотрения устойчивости как совокупности общих характеристик на выявление факторов, определяющих стабильность и защищённость региональной экономики и создающих условия для её дальнейшего устойчивого развития. Пять выделенных специфических факторов формируют комплексную основу анализа устойчивости эксклавного региона. Транзитно логистический и военно-политический факторы отражают ключевые источники внешней уязвимости, институционально-правовой фактор характеризует возможности адаптации, геополитическая чувствительность определяет зависимость последствий эксклавности от внешней среды, а социально адаптивный фактор раскрывает потенциал низовой адаптации населения. Их соотношение с операциональной моделью устойчивости позволяет рассматривать реакцию региона как последовательность сопротивляемости, восстановления, структурной переориентации и обновления траектории развития. Эмпирическая апробация на примере Калининградской области подтвердила возможность применения предложенного подхода для анализа устойчивости региона в условиях внешней турбулентности. Его использование может способствовать совершенствованию анализа и мониторинга устойчивости эксклавных территорий и обоснованию мер их адаптации к изменению внешних условий.

Литература

1. Татаркин А.И., Анимица Е.Г. Формирование парадигмальной теории региональной экономики // Экономика региона. 2012. № 3 (31). С. 11–21. EDN: PCIBIZ.
2. Simmie J., Martin R. The economic resilience of regions: towards an evolutionary approach // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2010. Vol. 3, No. 1. P. 27–44. DOI: 10.1093/cjres/rsp029.
3. Martin R. Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks // Journal of Economic Geography. 2012. Vol. 12, No. 1. P. 1–32. DOI: 10.1093/jeg/lbr019.
4. Клемешев А.П. Российский эксклав на Балтике: эволюция эксклавности и поиск путей ее преодоления // Балтийский регион. 2009. № 2 (2). С. 102–115. EDN: KYPVIB.
5. Клемешев А.П., Ворожеина Я.А. Эксклавность Калининградской области: опыт экспликации // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 2. С. 4–17. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-2-1 EDN: YQNYSI.
6. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития / 6-е изд., стер. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 366 с. ISBN: 978-5-397-02596-6.

7. Татаркин А.И., Куклин А.А. Изменение парадигмы исследований экономической безопасности региона // Экономика региона. 2012. № 2. С. 25-39. DOI: 10.17059/2012-2-2 EDN: OYYTLR.
8. Репушевская О.А. Факторы устойчивости региональных экономических систем // Russian Journal of Management. 2023. Т. 11, № 1. С. 28-37. DOI: 10.29039/2409-6024-2023-11-1-28-37 EDN: JUSZCW.
9. Генералов Д.А., Жахов Н.В. и др. Индикативная оценка сбалансированности развития социально-экономической системы региона // Экономика, предпринимательство и право. 2023. № 10. DOI: 10.18334/err.13.10.119255 EDN: NWYVWL.
10. Колосов В.А., Себенцов А.Б. Граница как барьер и стимул структурной трансформации экономики Калининградского эксклава // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 4. С. 104-123. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-4-6 EDN: XYPIEV.
11. Фёдоров Г.М. Калининградская область: приграничное приморское положение как географический фактор развития экономики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2018. № 4. С. 5-17. EDN: YVBBVR.
12. Кувалин Д.Б., Щербанин Ю.А. Адаптация экономики российских регионов к разрыву отношений с Европой (на примере портов Балтийского моря) // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 4. С. 62-78. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-4-4 EDN: CDMGIL.
13. В ЕП назвали блокадой возможную миссию ЕС в Балтийском и Северном морях // РИА Новости. 31.08.2026. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20260831/missiya-2114280889.html> (дата обращения: 03.08.2026).
14. Фролова Е.В., Рогач О.В. Новая роль кооперации в условиях экономических санкций: оценки жителей Калининградской области // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 1. С. 46-60. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-1-3 EDN: UUYNSR.
15. Ахапкин Н.Ю. Российская экономика в условиях санкционных ограничений: динамика и структурные изменения // Вестник Института экономики РАН. 2023. № 6. С. 7-25. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_7_25 EDN: CONHFG.
16. Земцов С.П. Санкционные риски и региональное развитие (на примере России) // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 1. С. 23-45. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-1-2 EDN: ZJSZOM.
17. Бабич Л.В. Устойчивость экономики регионов Северо-Западного федерального округа к внешним шокам 2020-2022 гг. // Проблемы развития территории. 2024. Т. 28, № 4. С. 65-82. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.5 EDN: RXQBUL.

